

«ДЕЙСТВОВАТЬ ПОДРУЧНЫМИ СРЕДСТВАМИ»: СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ТАКТИКИ

Несмотря на меры, принимаемые для того, чтобы искоренить или спрятать от посторонних глаз «работу на себя» (или ее эквиваленты), она существует повсюду и становится все более распространенной. Она представляет собой лишь один из случаев среди всех тех практик, которые вводят приемы *художников* и соперничество *соучастников* в систему воспроизводства и разграничения, осуществляемых за счет труда или досуга. «Здесь бежал хорек и там»¹: существует тысяча способов «действовать подручными средствами».

С этой точки зрения водораздел уже не проходит между трудом и досугом. Эти две области становятся гомогенными. Они повторяют и укрепляют одна другую. В местах трудовой деятельности распространяются культурные техники, камуфлирующие экономическое воспроизводство при помощи таких фикций, как «неожиданность» (событие), «истина» (информация) или «коммуникация» (проявление активности). И наоборот, культурное производство предоставляет поле для распространения рациональных операций, позволяющих управлять трудом, разделяя его (анализ), распределяя по соответствующим участкам (синтез), делая массовым (генерализация). Требуется иное различие, нежели то, в соответствии с которым виды поведения распределяются в зависимости от *места* (труда или досуга) и, следовательно, оцениваются на основании того, что помещаются на той или иной клетке социальной шахматной доски — в офисе, в мастерской или в кинотеатре. Существуют различия другого рода. Они относятся к *модальностям* действия, к *формальным ха-*

¹ Серто цитирует здесь рефрен известной французской детской песенки. — Прим. перев.

ГЛАВА III. «ДЕЙСТВОВАТЬ ПОДРУЧНЫМИ СРЕДСТВАМИ»

*ра*ктеристикам практик. Они преодолевают границы, установленные распределением на труд и досуг. Например, «работа на себя» прививается к системе промышленного сборочного конвейера (она является его дополнением и осуществляется в том же месте), так как она представляет собой вариант той деятельности, которая за пределами завода (в другом месте) имеет форму бриколажа.

Хотя эти проходящие через различные пространства *тактики* остаются связанными с возможностями, предлагаемыми обстоятельствами, они не подчиняются закону места. Они не определяются им. В этом отношении они имеют не более локальный характер, чем технократические стратегии (и стратегии письма), стремящиеся создать места, которые соответствуют абстрактным моделям. Тактики от стратегий отличают *типы операций*, осуществляемые в тех пространствах, которые стратегии способны производить, размечать и навязывать, в то время как тактики могут только использовать их, манипулировать ими и перестраивать их.

Следовательно, нам необходимо определить схемы операций. Так же как в литературе различают «стили» и способы письма, мы можем различать «способы делания» — ходить, читать, производить, говорить и т. д. Эти стили действий вторгаются в поле, которое осуществляет их регулирование на первом уровне (например, заводская система), однако они вводят в это поле способ извлекать из него выгоду, подчиняющийся другим правилам и образующий как бы второй уровень, который вплетается в первый (например, «работа на себя»). Будучи подобными *способам использования*, эти «способы делания» создают за счет стратификации различных и накладывающихся друг на друга видов функционирования некий игровой эффект. Так, магрибинец, живущий в Париже или Рубэ, вводит присущие его родной Кабилии способы «обитания» (в доме или в языке) в систему, которую ему навязывает конструкция «ашелема» (социального жилья) или французского языка. Он накладывает одно на другое и за счет этой комбинации создает себе пространство игры, находя в нем *способы использования* принудительного порядка места или языка. Не покидая пространства, где ему приходится жить и которое диктует ему свои законы, он учреждает внутри него определенную *множественность* и созидательность. Благодаря искусству «находиться между», он извлекает из этого непредвиденные результаты.

Эти операции использования — или, скорее, операции переиспользования — умножаются вместе с распространением феноменов

аккультурации, то есть перемещениями, заменяющими способы или «методы» передвигаться идентификацией с местом. Это не противоречит тому, что они соответствуют очень древнему искусству «действовать подручными средствами». Я называю их *способами использования*, хотя само это выражение чаще всего обозначает стереотипные процедуры, принятые и воспроизводимые группой, ее нравы и обычаи. Проблема коренится в двусмысленности этого выражения, ибо речь идет именно о том, чтобы распознать в этих «способах использования» те «действия» (в военном смысле слова), которые имеют свои собственные формальные характеристики и изобретательность и которые скрыто организуют муравьиную работу потребления.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ, ИЛИ ПОТРЕБЛЕНИЕ

После исследований, в числе которых много замечательных работ, где анализировались «культурная продукция», система ее производства², география ее распространения и распределение потребителей³, представляется возможным рассматривать эту продукцию уже не только как данные, исходя из которых можно составлять статистические таблицы их обращения или выявлять экономическое функционирование их распространения, но и как репертуар, при помощи которого пользователи осуществляют свои собственные операции. Отныне эти факты являются уже не материалом, который мы используем в наших подсчетах, а словарем практик пользователей. Так, после того как были проанализированы образы, распространяемые при помощи телевидения, и время, проведенное перед экраном, остается задаться вопросом о том, что потребители *делают (fabrique)* с этими образами и в течение этого времени. Что делают пятьсот тысяч покупателей журнала *Information-santé*, клиенты (*usagers*)

² См., в частности: A. Huet et al., *La Marchandise culturelle*. Paris: CNRS, 1977, исследование, которое не ограничивается одним лишь анализом продукции (фотография, музыкальные диски, эстампы), но рассматривает всю систему вторений в сфере торговли и воспроизводства идеологии.

³ См., например: *Pratiques culturelles des Français*. Paris: Secrétariat d'Etat à la culture, Service des études et recherches, 1974, 2 t. Или см. исследование, которое остается фундаментальным и пионерским, хотя в малой степени оперирует статистическими данными и ограничивается лишь массовым искусством: Alvin Toffler, *The Culture Consumers*. Baltimore: Penguin, 1965.

ГЛАВА III. «ДЕЙСТВОВАТЬ ПОДРУЧНЫМИ СРЕДСТВАМИ»

супермаркета, те, кто использует городское пространство, потребители рассказов и легенд, публикуемых журналами и газетами, с тем, что они «поглощают», воспринимают, оплачивают? Что они из всего этого делают?

Загадка потребителя-сфинкса. То, что им «фабрикуется», рассеивается в разметке (*quadrillage*) урбанистического и коммерческого производства. Оно тем менее заметно, чем более плотными, гибкими, всеохватывающими являются сети, которые его окружают. Протеическое по форме, неотличимое от окружающей среды, оно исчезает в структурах, которые захватывают все пространство и продукты деятельности которых не оставляют места, где пользователи могли бы обозначить свою активность. Ребенок разрисовывает и пачкает школьный учебник; даже если его наказывают за этот проступок, он создает свое собственное пространство, где обозначает свое существование в качестве автора. Телезритель ничего не пишет на экране телевизора. Он вытеснен из продукта, исключен из манифестации. Он теряет право на авторство, чтобы, как кажется, стать чистым получателем, зеркалом, в котором отражается многообразный и нарциссический актер. В конечном счете, он мог бы служить образным воплощением тех механизмов, которые, чтобы воспроизводить самих себя, в действительности, больше в нем не нуждаются, — будучи воспроизведением «машины на холостом ходу»⁴.

В реальности рационализированное, экспансионистское, централизованное, зрелищное и шумное производство сталкивается с производством совершенно другого типа, определяемым как «потребление», которое характеризуется своими уловками, распылением по воле случая, браконьерством, подпольем, непрерывным бормотаньем, короче, почти незримостью, поскольку оно заявляет о себе не посредством собственной продукции (где оно могло бы ее разместить?), а при помощи искусства использовать ту, которая ему навязывается.

Долгое время малозаметные, но тем не менее фундаментальные инверсии, которые вызываются потреблением, изучались на примерах других обществ. Так, зримая победа испанских колонизаторов над индейскими народностями приобрела иной смысл благодаря

⁴ О теме «машины на холостом ходу» в искусстве (Марсель Дюшан и т. д.) или литературе (от Жюль Верна до Раймона Русселя) в начале века см.: Jean Clair et al., *Junggesellen Maschinen. Les Machines célibataires*. Venise: Alfieri, 1975.

тому, как она была «использована» индейцами: даже тогда, когда они подчинялись, когда соглашались признать свое подчинение, они часто использовали законы, практики или репрезентации, навязывавшиеся им силой или через соблазн, с целями, отличающимися от целей завоевателей. Индейцы делали из них нечто иное: они выворачивали их наизнанку — не отталкивая или изменяя их (хотя и это имело место), но используя их множеством разных способов и ставя на службу правилам, обычаям или убеждениям, чуждым колонизаторам, власти которых они не могли избежать⁵. Они метафоризировали господствующий порядок: они заставляли его функционировать в другом регистре. Они оставались другими внутри системы, которую ассимилировали и которая ассимилировала их снаружи. Они вносили в нее искажения, не выходя за ее пределы. Процедуры потребления сохраняли свое отличие внутри того самого пространства, которое было организовано оккупантами.

Является ли этот пример исключительным? Нет, даже если сопротивление индейцев имело своим основанием память, на которой подавление (словно татуировку) оставило свои следы — прошлое, записанное на их телах⁶. В меньшей степени тот же самый процесс обнаруживается в том, как «народные» слои используют культуру, распространяемую «элитами», которые производят язык. Навязываемые знания и символы становятся объектом манипуляций со стороны тех, кто превращает их в свою практику и кто их не производит. Язык, произведенный определенной социальной категорией, обладает властью распространять свои завоевания на те обширные области, которые его окружают, и в «пустыни», где, как кажется, не существует ничего в такой же мере артикулированного, но попадает в ловушки ассимиляции, созданные подпольными процедурами, которые сами эти победы делают невидимыми для оккупантов. Каким бы бросающимся в глаза ни был этот язык, его привилегированное положение, возможно, является только кажущимся, если он служит всего лишь рамкой для упрямых, искусных, повседневных практик, которые его используют. То, что называется «популяризацией» или «деградацией» культуры, является, с этой точки зрения, частичным

⁵ См., например, об Аймарас-ду-Перу и Боливии: J.-E. Monast, *On les croyait chrétiens: les Aymaras*. Paris: Cerf, 1969.

⁶ См.: Michel de Certeau, “La longue marche indienne”, in: Yves Materne, éd., *Le Réveil indien en Amérique latine*. Paris: Cerf, 1977, p. 121–135.

ГЛАВА III. «ДЕЙСТВОВАТЬ ПОДРУЧНЫМИ СРЕДСТВАМИ»

и карикатурным проявлением реванша, который тактики пользователей берут над доминирующей властью производства. В любом случае, потребитель не может быть идентифицирован и определен при помощи газетной или коммерческой продукции, которую он ассимилирует: между ним (тем, кто ее использует) и этой продукцией (индикаторами порядка, который ему навязывается) существует более или менее значительный разрыв, создаваемый тем способом, которым он ее использует.

Следовательно, *использование* должно быть проанализировано само по себе. В моделях для этого нет недостатка, особенно в том, что касается языка — привилегированной территории для выявления формальных характеристик этих практик. Гилберт Райл, исходящий из сосюрковского различия между языком (системой) и речью (актом), сравнивал одно с *капиталом*, а другое — с *операциями*, которые он допускает: с одной стороны — запас ресурсов; с другой — сделки и использование⁷. Что касается потребления, то в этом случае можно было бы сказать, что производство предоставляет капитал и что пользователи, как квартиросъемщики, приобретают право совершать операции с этим фондом, не являясь его собственниками. Но это сравнение подходит только для описания отношений между знанием языка и речевыми актами (*speech acts*). На одном этом основании мы получаем ряд вопросов и категорий, которые позволили, особенно со времен Бар-Хилелла, открыть в исследовании языка (*семиозис* или *семиотика*) особый раздел (называемый *прагматика*), посвященный употреблению или *индексальным выражениям*, то есть «словам и фразам, референция которых не может быть определена без знания контекста использования»⁸.

⁷ Gilbert Ryle, "Use, Usage and Meaning", in: G.H.R. Parkinson, ed., *The Theory of Meaning*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1968, p. 109–116. Большая часть этого сборника посвящена проблемам «использования».

⁸ Richard Montague, "Pragmatics", in: Raymond Klibansky, éd., *La Philosophie contemporaine*, Florence: La Nuova Italia, 1968, t. 1, p. 102–122. Бар-Хилелл заимствует, таким образом, термин у Чарльза Пирса, в качестве эквивалента которого у Рассела выступают *egocentric particulars*, у Рейхенбаха — *token-reflexive expressions*, у Гудмана — *indicator words*, у Куайна — *non eternal sentences*, и т. д. В эту перспективу вписывается целая традиция. К ней примыкает также и Витгенштейн, который в качестве программы своих исследований выдвинул требование спрашивать не о значении, а об употреблении ("*Don't ask for the meaning, ask for the use*") при обращении к нормальному употреблению, регулируемому при помощи такой институции, как язык.

Мы еще вернемся к этим исследованиям, которые прояснили всю область повседневных практик (использование языка), пока же достаточно отметить, что они основываются на проблематике высказывания⁹. «Контексты употребления» (*contexts of use*), устанавливая отношения между речевым актом и обстоятельствами, в которых он осуществляется, отсылают к тем аспектам, которые определяют акт говорения (или практику языка) и являются его следствиями. Высказывание предоставляет модель этих характеристик, но они могут также быть обнаружены и в тех отношениях, которые другие практики (ходить, проживать и т. д.) устанавливают с лингвистическими системами. Высказывание предполагает: 1. *реализацию* лингвистической системы в речевом акте, актуализирующем его возможности (язык обретает реальность только в акте речи); 2. *присвоение* языка говорящим, который его использует; 3. полагание собеседника (реального или фиктивного) и, таким образом, конституирование контракта, регулирующего общение или обращение (к кому-либо); 4. учреждение *настоящего* за счет введения «Я», которое говорит, и, вместе с ним, поскольку «настоящее» — это собственно источник времени», организацию темпоральности (настоящее создает то, что было до и будет после) и существование «сейчас», которое является присутствием в мире¹⁰.

Эти элементы (реализовать, апроприировать, быть вписанным в отношения, быть расположенным во времени) превращают высказывание и, во вторую очередь, использование в сплетение обстоятельств, сплетение, неотделимое от контекста, который от него можно отличить только теоретически. Неотделимый от данного *мгновения*, от *конкретных* обстоятельств и от *действия* (производить язык и модифицировать динамику отношений), речевой акт является в то же самое время использованием *языка* и операцией *над* ним. Мы можем попытаться применить эту модель ко множеству лингвистических операций, приняв в качестве гипотезы, что все эти события использования связаны с потреблением.

Тем не менее необходимо еще прояснить характер этих операций, посмотрев на них под другим углом, не на основании отношений,

⁹ См. выше: «Высказывание, вошедшее в поговорку» (Глава II. Народные культуры, с. 86).

¹⁰ См.: Emile Benveniste, *Problèmes de linguistique générale*. Paris: Gallimard, 1974, t. 2, p. 79–88.

ГЛАВА III. «ДЕЙСТВОВАТЬ ПОДРУЧНЫМИ СРЕДСТВАМИ»

которые они устанавливают с системой или порядком, но в той мере, в какой *соотношения сил* определяют сети, в которые эти операции вписываются, и те обстоятельства, из которых они могут извлечь выгоду. Тогда от лингвистической референции надо перейти к референции полемологической. Речь идет о сражениях или играх между сильным и слабым, а также о «действиях», которые остаются возможными для последнего.

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ

Потребители, эти непризнанные производители, поэты своих повседневных дел, пролагатели троп в джунглях функционалистской рациональности, производят нечто напоминающее «линии хода», описанные Делиньи¹¹. Они прочерчивают «неопределенные траектории»¹², которые, по всей видимости, являются бессмысленными, поскольку не когерентны по отношению к сконструированному, написанному, заранее созданному пространству, через которое они движутся. Это непредсказуемые фразы в месте, упорядоченном техниками, присущими тем или иным системам. И хотя в качестве материала они используют *словари* существующих языков (язык телевидения, газеты, супермаркета или городской топографии), хотя они остаются в рамках предписанного *синтаксиса* (временные модусы расписаний, парадигматические организации пространств), эти «сквозные линии» являются гетерогенными по отношению к тем системам, через которые они проходят и где они обозначают уловки *других* интересов и желаний. Они циркулируют, движутся назад и вперед, переходят границы и дрейфуют по заданной местности — пенящиеся морские волны, проникающие между скалами и лабиринтами установленного порядка.

Статистика почти ничего не знает об этих водных потоках, теоретически управляемых институциональными разметками (*quadrilages*), которые в реальности они постепенно разъедают и смещают.

¹¹ Fernand Deligny, *Les Vagabonds efficaces*. Paris: Maspero, 1970. При помощи этого выражения Делиньи определяет маршруты юных аутистов, вместе с которыми он жил, их письмо, движущееся сквозь чащу, блуждания, больше не способные прокладывать дорогу в пространстве языка.

¹² См. ниже: «Неопределенные».